

УДК 21:14

Компаниец Л. В.

МЕТАИЗМЕРЕНИЕ ИДЕИ РЕИНКАРНАЦИИ В ТЕКСТАХ Я. БЁМЕ И Э. СВЕДЕНБОРГА

В эпицентре осуществления исследовательской разведки попадает идея реинкарнации (воплощения) под углом зрения теософских учений Я. Бёме и Э. Сведенборга. Автор приходит к мысли о том, что на территории текстов мистов тема перевоплощения актуализирует исторически сформировавшиеся смысловые слои, после «снятия» которых открываются её эволюционные словоформы, а именно «воплощение», «воскресение».

Ключевые слова: теософия, реинкарнация, воплощение, душа, кругообороты, предсуществование.

В епіцентрі існування дослідницької розвідки – ідея реінкарнації (втілення) під кутом бачення теософських учень Я. Беме і І. Сведенборга. Автор доходить думки, що на території текстів містів тема перевтілення актуалізує історично сформовані смислові шари, після «зняття» яких відкриваються її еволюційні словоформи, а саме «втілення», «воскресіння».

Ключові слова: теософія, реінкарнація, втілення, душа, колообіги, передіснування.

At the epicenter of the study of intelligence gets the idea of reincarnation (incarnation) from the perspective of the theosophical teachings of J. Boehme and E. Swedenborg. The author comes to the conclusion that in the texts mystae theme of reincarnation are updated historically formed layers of meaning, after the «removal» which will open up its evolutionary word forms, namely the «embodiment», «resurrection».

The keywords: theosophy, reincarnation, incarnation, soul, circuits, pre-existence.

На протяжении всей мировой истории в разных сообществах и странах появлялись великие умы, которые опережали развитие своих времён, эволюцию культуры. Так называемые учителя человечества осознавали значимость не только формы, но и сути бытия человеческой цивилизации, которая ими сводилась к человеческому духу. Мыслители такого рода «опытным» путём вывели на поверхность истину о том, что именно в сердце человека заключена вечная жизнь. Только в закоулках человеческой души хранятся ключи от рая, разливающегося в религиозном сознании, опыте посвящённых «актуально» по ту сторону небес, потенциально «по сю» сторону сущего. Соответственно, «лекарством» от «тупиков», болезненных состояний социокультурных реалий всегда выступала культивация духовных начал, соответствующего измерения человеческого существования, направленного в векторном отношении «вперёд» (по жизни) и «вверх» (в пространство бесконечного, беспредельного бытия).

Платон считал, что от упадка греческую культуру могла спасти философия, культивирующая идеи о Вечной Вселенной и переселении душ, так как вне

ориентации человека на будущее (вечное существование) происходит нивелировка смысло-жизненных, ценностных установок повседневных реалий. Как отмечал Н. Рерих, все, что облегчает эволюцию человеческого духа, должно быть приветствовано, выслушано, принято и сердечно осознанно. В истории человеческой мысли, в накопленных знаниях нет старого, молодого или нового. Есть единая неограниченная эволюция мысли и духа. Безразлично, в каком виде знака, образа, идеи будет привнесён осколок ценностного знания. Благо, которое оно способно посеять и взрастить, бесценно и должно занимать почётное место в безграничных просторах океана движущей цивилизацию мысли. Приходит время, когда возникает острая необходимость в выявлении сокровищниц культуры, «ядра» ключевых идей, способных возродить духовные ценности, основы бытия путём «снятия» с них историко-культурных покровов, создающих помехи в созерцании, осмыслении сокрытых под тенью веков истин.

Наши размышления созвучны мнению Платона о ценностном потенциале, роли и содержании идеи реинкарнации для духовой эволюции человека, общества, культуры. С целью раскрытия и обоснования такого угла зрения необходимо отследить исторические модусы её бытия, умозрительные конструкции, основой которых она выступала.

Совершая попытку реконструкции эволюционного древа идеи реинкарнации, мы попадаем в очередную точку бифуркации её ветвей, которую объединяют в себе мировидения мистов. С одной стороны, генетическая линия её развития тянется от древнеегипетских «отпечатков» культуры, орфизма, пифагореизма к Платону и его последователям, логично укореняется в мистических философско-религиозных учениях, уносится вглубь веков на крыльях теософской мысли. С другой стороны, сущностная сторона идеи реинкарнации, на первый взгляд, частично обрывается в пространстве догматического христианства. Однако тщательный этимологический анализ, история эволюции смыслов показывает, что коннотации термина «реинкарнация» (воплощение) эволюционируют, существуют в латентно-мерцающих формах в христианской традиции, не только удерживаются на её поверхности, но и фиксируются в основных догматах христианства в виде идеи воплощения Бога и представителей высших сил. Логичным продолжением эволюционно оформившихся ветвей доктрины реинкарнации становятся мистико-христианские картины мира и, в частности, Я. Бёме и Э. Сведенборга, которые предстают как «перекрёсток» встречи, эпицентр слияния описанных традиций.

Нашей **целью** выступает выявление скрытых смысловых пластов, содержания слова «реинкарнация» в пространстве теософских учений Я. Бёме и Э. Сведенборга и, в частности, открытие многослойной структуры концепта посредством осмысления её эволюционных словоформ, входящих в структуру умозрительной картины мира теософов.

Прежде чем перейти к реконструкции древа смыслов идеи реинкарнации в сознании Я. Бёме и Э. Сведенборга, необходимо напомнить, что в предыдущей исследовательской разведке нами был установлен смысловой объём понятия

«реинкарнация», в который входили коннотации терминов «воплощение», «воскресение», «возрождение». Был сделан вывод, что обозначенные концепты входят в единый синонимичный ряд, каждый из них представляет собой ступень, связующее звено в единой цепи восхождения, эволюции понятия «реинкарнация». В своей совокупности они презентуют «бутон» смыслов последнего, эпицентром разворотов которого в истории была его первоначальная словоформа – «воплощение».

Обозначим и зафиксируем (ранее установленные) сознательные точки сцеплений, совпадений значений терминов «реинкарнация» и «воскресение»:

1. Реинкарнация (воплощение) понимается как способность некой субстанции отделяться после смерти прежнего тела и вселяться в новое. Как способность богов, духов, святых к облачению в плоть. Первой части данной экспликации соответствует содержание термина «воскресение» (синоним – «возрождение»), транслируемого как «рождение вновь», становящееся возможным в результате союза души и тела. Крайняя ветвь толкований о божественных воплощениях, с одной стороны, перекликается со значением слова «воскресение», понимаемого как процесс видоизменения облика, существа, его преобразования [3]. С другой стороны, в зеркальном виде представлена и зафиксирована в христианских представлениях о божественных воплощениях, то есть в ключевых догматах обозначенной традиции.

2. Реинкарнация транслируется в значении *процесса* перехода (продвижения, переселения, движения «насквозь») души в телесную оболочку, осмысливаемого как текущий (включая эволюционный аспект) и завершённый, а также указывающего на обратный процесс «назад в тело». Крайняя смысловая нагрузка содержится в слове «воскресение», понимаемого как процесс возвращения человека к жизни вещественной после физической смерти (снова, заново). Первоначальная экспликация соотносится с толкованием «воскресения» как процесса воплощения, оживления, оживотворения, который традиционно мыслился как возможный посредством души.

3. Слово «реинкарнация» соответствует термин «олицетворение» (синоним – «воплощение»), которое эксплицируется в значении «вливаться в форму, олицетворять её собой», то есть душа (дух) облачается в материю. Эта коннотация перекликается с таким значением слова «воскресение»: «сеять, оживать, оживлять», «исправлять, направлять» (указывает на момент воплощения, возрождения, олицетворения душой тела).

Из обозначенных значений видно, что содержательные границы между анализируемыми терминами прозрачны, неуловимы. В их смысловом пространстве происходит переакцентировка, взаимоотзеркаливание, обращение схожих смыслов. Осознание и фиксация последних способствует отслеживанию траекторий развития идеи реинкарнации от нижних границ до верхних возможных пределов её актуализации в сознании духовидцев. В качестве умозрительной модели в контексте реконструкции идеи реинкарнации мы возьмём общепринятый

в научно-религиозной картине мира образ Древа жизни. В качестве ствола, укоренённой основы, уходящей в глубокую древность, выступает идея воплощения, от которой произрастают ветви идей, облачённых в слова «воскресение», «возрождение». Последние представляют эволюционные формы многовекторного термина «реинкарнация», занимающего центральное месторасположение от ствола до верхушки кроны, покрывающей всю историю развития и метаморфоз поодиноких, вошедших в его состав смыслов.

Итак, в контексте сказанного основополагающим модусом бытия идеи реинкарнации, её «первотолчком» выступает мотив воплощения, от «ядра» которого она произрастает, вместе с ним уходит в историю по спирали накопления своих коннотаций. Эпицентром разворачивания идеи воплощения в сознании мистов выступают их представления о метафизических планах бытия, божественных измерениях и, в частности, о перенаправленности представителей последних на жизнь в мире физических явлений. В данной пунктирно очерченной векторной направленности идея реинкарнации разветвляется на сеть «посюсторонних» воплощений, окутывающих, охватывающих существование ангелов, духов, Бога. Соответственно, процесс божественных воплощений многогранен, разнонаправлен, зафиксирован в сознании духовидцев. Итак, в своих исследовательских поисках мы пойдём от обратного, а точнее от реконструкции мыслительных моделей теософов, в пределах которых приоткрывается занавес над их представлениями о Первоначале, Сущем в его возможных нисхождениях, инкарнациях, эманациях в мир имманентного бытия.

Иными словами, первое измерение, или ветвь от ствола Древа идеи реинкарнации, получившее развитие в истории, эволюции религиозной мысли, представляет тема божественных воплощений в различных её разворотах. Понимание её в мегамасштабах берёт своё начало от представлений о Боге не только как первоисточнике, но первопринципе, который наполняет, пронизывает собою мировой океан вселенского бытия. Подобные воззрения присущи Я. Бёме и Э. Сведенборгу. По мнению авторов, господствуя, пребывая во всём, Всевышний даёт жизнь человеку, Вселенной, наполняющим её мирам, «уходит» в бесконечное пространство непостижимого, необъятного. В текстах мистов звучит единый лейтмотив «Всё есть Бог и сам Бог есть всё». В таком виде идея божественного воплощения вращается по спирали, охватывает все пласты бытия, центростремительно разворачивается в представлениях духовидцев, притягивает в свой эпицентр человека. Последний, по мнению Э. Сведенборга, не является тождественным жизни, равно как духи и ангелы не являются «носителями» жизненной энергии. Всё живущее, движущееся, населяющее мир, в том числе и интеллигибельные пространства, воспринимает жизненные потоки от Бога, который изливает Себя сквозь вселенские небеса и даже сквозь ад. Излучение жизни передаётся через ангелов и духов. Затем проникает к людям. Таким способом осуществляется вездесущность Божества, воплощение Провидения [6, с. 99, 117]. В подобных созерцательных картинах мира за ярким образом «Бог

во всём» сокрыт, на наш взгляд, важный принцип мироустройства, а именно воплощение Творца как форма и принцип, суть существования Вселенной. Тема Богочеловека проникает во все закоулки сознания Э. Сведенборга. В его текстах мотив воплощения расширяет свои смысловые горизонты, растворяется во вселенском океане бытия, оборачивает мегамасштабы своих пониманий.

Подобные воззрения были заложены несколько ранее, кружили в представлениях о Боге Я. Бёме. К его текстам нас ведёт незримый мост мистического опыта посвящённых. Несмотря на пространственно-временной разброс авторов, в их боговдохновенных сюжетах присутствуют общие черты. Их объединяет христианизированный сценарий бытия, пропитанный идеей воплощения, запечатлённой (в общем виде) в направленности движения их сознания: «ухода» в трансфизическое и «возвращения» в реалии «посюстороннего» бытия. Так, Я. Бёме пишет, что небо и земля, а также всё, что в них, – это всё есть тело Бога, его сила проходит по звёздным мирам, словно по жилам проникает в его природное тело Бог во всём [1]. Дух Святой в Боге, господствует во всей природе. Подобно тому, как дух человека господствует в целом теле и наполняет человека, так и Дух Святой наполняет всю природу и есть сердце природы, господствует в добром качестве во всех вещах [1, с. 33]. Иными словами, здесь идёт речь о всепроникающем, вечном союзе, воплощении божественного, Святого Духа, достигающего самых дальних, сокровенных мест беспредельного.

Продвигаясь по горизонтам мыслительных моделей мира духовидцев, мы видим, что в образах и сюжетах, зафиксированных в их текстах в свёрнутом, потенциальном виде, содержится и раскрывается множество путей, ветвей развития идеи реинкарнации. Одни из них представлены в ярко выраженных тонах, иные пребывают в зачаточных, неразвитых формах. Однако весь их смысловой объём выражает неуловимость, текучесть, пластичность смысловых отношений, вращающихся вокруг идеи реинкарнации (её уровнем актуализации). Продолжая отслеживать судьбу траектории развития темы божественных инкарнаций в мистико-религиозной мысли авторов, мы совершаем попытку восстановить утраченные сокровища смыслового «ядра» анализируемой идеи, рассыпанные по тканевой структуре текстов мыслителей.

Своего рода ответвлением, отпочковавшемся от ствола божественных воплощений, выступает линия воплощения духов как их способности к облачению в плоть в контексте общего мотива раскручивания идеи реинкарнации, а именно «впадения в жизнь» представителей божественного пантеона, метаэмпирической реальности. Так, в образных представлениях мистов эта тема мелькает в разнополярных цветовых оттенках, мыслимых в категориях Добра и Зла и соответствующих им метаизмерениям, начиная с мотива возможных фрагментарных духовных миграций ангелов, восходит до идеи воплощения духа зла. Так, Я. Бёме пишет, что ангелы никогда не являлись людям здесь на земле в ином образе, нежели чем людей [1]. В другом тексте автор описывает иной ракурс

своих представлений о сущем, о воплощении духа зла, проникающего во все закоулки «посюстороннего» бытия. Люцифер превратил дом Света в дом Тьмы, печали, плача и скорби. Зло загорелось в телесном, погасило блаженный свет в природном, животном Духе, который стал Духом, Дьяволом. Господин зла стал тварью, и глубже этого мира его господство не проникало, а если бы он остался во плоти, то достиг бы центра Бога, ибо Любовь пронизывает собою всё божество. Ад отныне заключён во внешнем рождении мира сего [2, с. 20]. В своём развитии описанный вектор темы воплощения сворачивается в сознании автора до плана физического бытия, «заключает» в телесные оковы духовные субстанции, сверхъестественные сущности. Соответственно, реинкарнация мыслится как принцип существования, распространяющий своё действие по обе стороны трансперсональной и физической реальности.

Продолжая отслеживать развитие темы божественных воплощений, отметим, что мерцания смысловых уровней идеи реинкарнации и, в частности, её значения как процесса воплощения богов, духов, как способности их облачений в плоть в векторном отношении раскрывается также в учении о божественном пришествии Христа. Э. Сведенборг пишет, что в его экстатическом опыте духи признавали, что Бог обретает человеческое воплощение. Они считают его творцом Вселенной. По причине перевеса злых сил, пребывания рода человеческого в грехе, под влиянием лжеистин, духовной и телесной развращённости Господь снизошёл в мир материи с целью упорядочить пространство, тем самым низвергнул зло в ад [6]. После его пришествия род человеческий получил возможность спасения. Только посредством человеческой ипостаси Он мог выполнить свой замысел и труд. Однако окончательное объединение человеческой плоти и божественного духа происходило постепенно и было, по мнению духовидца, завершено в момент распятия Христа. Господь прославил Натуральную Человечность. Именно поэтому Он воскрес со всем телом. По мнению автора, так не воскресал ни один человек [5, с. 164–165].

У Я. Бёме идея реинкарнации (воплощения) представлена в характерных для христианской мысли тонах, в том числе вплетается в идею второго пришествия Христа. Он пишет, что Иисус снова вернётся в Последний день в том же образе с божественным и прославленным телом, подобно князю святых ангелов, в котором Он и восшёл на небо [1, с. 60]. Вступать в полемику относительно вопроса, в каком теле восшёл на Небеса и в каком виде снизойдёт Христос, мы не станем. Однако подчеркнём, что тема первичного воплощения Господа, «впадение его в материю» признаётся всеми представителями христианской традиции. В целом тема воскресения Христа у мистов окутана тайной. В текстах духовидцев сложно найти ясно, однозначно прописанную мысль о ключевых догматах христианства. Как правило, умозерцания авторов переполняются противоречиями, двусмысленностями положений. Это в свою очередь предоставляет исследователю пространство для интерпретаций. Так, у Я. Бёме просматривается идея воскресения, вознесения Христа в духовном теле, с одной стороны. С другой

стороны, в сюжетах мистов мы находим идею о восшествии Христа и Илии в образе, который у них был на земле.

Из вышеизложенных векторов идеи реинкарнации видно, что её смысловые осколки разбросаны по текстам мыслителей, демонстрируют грани её осуществления, укореняются в сознании христиан, перерастают в догматы религиозной традиции. В результате исторических, вековых наслоений формируется «пучок» траекторий развития идеи реинкарнации, запечатлённых в темах воплощения богов, духов, святых в плоть, которые актуализируют смысловое измерение реинкарнации как способности духовной субстанции к вхождению в телесную организацию, а также её толкование в значении «назад в тело».

Совершая дальнейшее переоткрытие смысловых уровней идеи реинкарнации, путешествуя по учениям духовидцев, мы находимся в состоянии «захватывания» сознанием смысловых территорий, словоформ анализируемой темы, которые спрятаны и находятся в самых отдалённых уголках их сознания. Обозначив ранее описанный схематически ствол нашей конструкции, его содержательное наполнение, перейдём к созерцанию и осмыслению ответвлений идеи реинкарнации (воплощения) и тех метаморфоз, которые она претерпела в ходе своей эволюции.

В роли очередной ветви, получившей своё развитие от ствола Древа реинкарнации, выступает тема воскресения, представляющая собой футляр, эволюционную форму существования анализируемой идеи. Последняя, появившись на свет из лона «древней мудрости», кочевала по горизонтам культур в виде смысловых пластов тем «воскресение», «возрождение», претерпела разного рода трансформации, накапливала коннотации, шествуя по тропам истории. Иными словами, её ветви раскинулись, разрослись, получив то или иное преломление в умах, сознании эпох, религиозных традиций, культур.

Итак, идея воплощения находит своё зеркальное отражение, перерастает в тему воскресения как модуса существования идеи реинкарнации. При прочтении контекстов авторов перед нами открываются увлекательные сюжеты, в пространстве которых анализируемая тема претерпевает метаморфозы своих смыслов, попеременно то уходит в тень, то вновь прорывается наружу. Несмотря на приверженность Э. Сведенборга христианскому вероисповеданию и догмам, мы находим в ландшафте его текстов удивительные зигзаги мыслей автора, путешествуя в унисон с которыми перед нами приоткрываются исторические слои идеи реинкарнации (воплощения), актуализирующиеся в виде концептов «воскресение», «возрождение».

Тема воскресения в ходе своего развития в сознании духовидца разветвляется на две линии её разворачивания. Первая представляет собой совокупность представлений Э. Сведенборга о душе, её судьбе, метаморфозах в её существованиях. Вторая транслирует размышления автора о сущностной стороне идеи воскресения в её эсхатологической перспективе. В контексте первой

траектории под воскресением духовидец понимает момент развоплощения человека, когда после смерти к нему приходит осознание себя как умершего, а ангелы сообщают ему, что он воскрес, превратился в дух. По мнению миста, все люди воскресают в духовном теле, но не в физическом. Э. Сведенборг считает представление человека в виде бесформенного дыхания неверным. Другой фрагмент не только подтверждает эту идею, но и обогащает её, развёртывает его представления о духовных телах. После смерти человек воскресает в духе, а воскресший дух имеет человеческую форму (духовное тело). Соответственно, воскресение автор мыслит как процесс преобразования, трансмутацию души, которая в процессе перехода от физической в метаэмпирическую реальность облачается, воплощается в духовное тело, именуемое им как духосущество.

В подобных рассуждениях миста происходит процесс обращения смыслов, а именно реинкарнация души осуществляется «до наоборот» в иную трансмутирующую телесность [4, с. 64]. Представления Э. Сведенборга о путешествиях души в её различных формах облачений по обе стороны ускользающих реалий вскрывают содержательный покров идеи реинкарнации. С одной стороны, выталкивают на поверхность её значение в качестве процесса воплощения «в тело» и, в частности, духовное. С другой стороны, обозначенный смысловой объём облачается в словоформу термина «воскресение». Таким образом, происходит обращение смыслов, сцепление тем воплощения, перевоплощения, воскресения. Один и тот же феномен, актуализируя одну из своих граней, именуется по-разному, сохраняя при этом единое смысловое ядро. Иными словами, под внешней оболочкой понятия «воскресение» скрыто представлен процесс воплощения души, перетекающий в представления об этапах, цепи её перевоплощений.

Основой для отстраивания следующего вектора в развёртывании темы воскресения в умозерцаниях Э. Сведенборга являются его мистический опыт, духовные блуждания миста по метафизическим сферам бытия, по иным Землям во Вселенной. В процессе духовных полётов духовидец приближается к пониманию «секретов» бытия и его универсальных истин. Именно первые выступают источником его миропредставлений и взглядов, на основании которых он фиксирует свои знания о человеке, конце времён, о вере в воскресение мёртвых. В отношении последней духовидец сначала неуверенно, туманно оговаривает от лица ведущих с ним беседу духов из других миров мнение о невозможности свершения воскресения мёртвых. Несмотря на это, он всё же описывает данную идею, избрав роль соглашающегося с данными истинами собеседника, поведанными ему свыше. Так, мист пишет, что вера в воскрешение мёртвых тел во время Последнего Суда ошибочна. Надежда на то, что тела, обращённые в прах, будут восстановлены и воссоединятся вновь с человеческой душой, невозможна. По мнению автора, такое понимание воскресения основано на телесно-чувственном восприятии мира. Те, кто основывает свои представления на них, не могут иначе представить себе душу или дух в человеческом образе, как только

входящего в прежнее тело. Если таким людям сказать, что тело не будет восстановлено, то они отвергнут в таком виде учение о воскресении и вечной жизни. Исходя из вышеизложенного, воскресение автором мыслится не иначе как в категории духовной телесности, запечатлённой в его сознании.

Таким образом, тема воскресения в данных воззрениях миста содержит в себе и разворачивает два смысловых уровня идеи «реинкарнации», которые смыкаются, выливаются в единый исток идеи воплощения. С одной стороны, под углом зрения, облачения души, способности её воплощения в иное, в частности, духовное тело (о котором шла речь выше). Данный мотив дополняется и усиливается экспликацией слова «воскресение» как процесса видоизменения облика, существа, духовной трансмутации. С другой стороны, автор отрицает идею телесного (физического) воскресения, отстаиваемую христианской мыслью, в значении возвращения души в прежнее, истлевшее тело, сводит её к воскресению души в её союзе, единении с духовной субстанцией.

Из описанных выше взглядов духовидца видно, что в ходе своего развития его мысль претерпевает смысловые перипетии. С одной стороны, в результате мистического опыта Э. Сведенборг познаёт и утверждает невозможность телесного воскресения, отрицает возможность восстановления истлевшей плоти. С другой стороны, возводит божественное телесное воскресение Христа до предела его понимания, излагает в духе христианского вероучения, укоренившегося в сознании миста (отпечатанного в теме воскресения Христа). Так или иначе, тема воплощения разливается по обе стороны демаркационной линии существования двух планов бытия.

Подобные уровни смыслов Э. Сведенборга перекликаются с ранее сформировавшимися представлениями Я. Бёме о воскресении, которое мыслится последним как надежда, время, когда человек получит ангельскую ясность и чистоту (духовное тело). Именно в воскресении мы должны быть подобны ангелам, облик которых тождественен человеку. Ангелы были образованы из божественного семени и имеют каждый своё тело [1, с. 61]. Относительно идеи трансмутации души Я. Бёме пишет, что человек возродится из смерти в ином качестве, принципе «другой Муки и Силы». После смерти мы освобождаемся от земной чувствительности, становимся чистыми, совершенными, возвращаемся в Царство Небесное [2, с. 51]. Мы возвращаемся в истинное Небо, в которое возносится человеческая душа по смерти. В святые небеса, куда вознёсся царь наш Христос и из которых Он снизошёл от Отца своего. Эта тайна была сокрыта от сынов человеческих [2, с. 20]. Таким образом, идея восхождения души переплетается с темой её миграции в ином облики в сверхъестественные планы бытия в иной телесности и совершенном духе.

С целью дальнейшего продвижения напомним, что смысловые уровни идеи реинкарнации (зафиксированные в начале статьи) разворачивают, транслируют её как процесс перехода, продвижения, «движения» насквозь души в телесную оболочку либо актуализируют её значение «назад в тело». В таких ракурсах

смысловая сторона идеи перевоплощения открывается в мистических опытах духовидцев, а именно в феномене миграций их духа по сверхъестественным планам бытия.

Итак, в человеке Э. Сведенборг выделяет два ума: духовный и природный. Усилиями духовного разума человек способен достичь небес, не оставляя землю. Посредством него он живёт и после смерти [6, с. 97]. Идея духовной миграции раскрывается в представлениях духовидца о видении, которое бывает Божественным или дьявольским. Божественные видения совершаются на небе. Они подобны видениям пророков, которые были во время их осуществления не в теле, но в духе. Э. Сведенборг приводит примеры ветхозаветных пророков. «И дух поднял меня и перенёс меня в Халдею...». Пророк говорит, что «...поднял меня дух между землёю и небом...». В подобных состояниях были и Захария, Даниил, Иоанн и др. [4]. Всё, что познавал духовидец, путешествуя по другим мирам, осуществлялось за пределами телесной организации. Дух управляется изменениями состояний внутренней жизни, благодаря которым он блуждает сквозь пространства [4, с. 51].

Именно в опыте духовной миграции мисту открываются откровения о сущем, бытии иных миров во Вселенной, на территории которых живут люди. В общении с духами Э. Сведенборг познаёт устройство мироздания, принципы жизни на других планетах. Так, после смерти люди становятся духами, многие из которых находятся вблизи своих планет. Духи Меркурия получают удовольствие от познания, они отличаются от духов нашего мира, так как они не интересуются телесными, земными вопросами, сферой материального, им ведомы состояния жизни после смерти. Их интересуют вопросы духовного содержания, духовное измерение человеческого существования, что находится под оболочкой, внутри, то есть качества души. Они верят, что для продолжения жизни душа должна воссоединиться с телом. После смерти человек сохраняет всю свою память о предыдущей жизни, его форма остаётся прежней [4]. Иными словами, тема жизни, разновидности её форм, мотив воплощения витает в метаэмпирических измерениях, умах сверхъестественных сущностей.

Я. Бёме в мистическом опыте постигает возможности человеческого духа. Он пишет, что когда дух его вознесся к Богу, его охватило ликование, его дух достиг внутреннего рождения божества. Прорыв, совершённый духом, он сравнивает с воскресением из мёртвых [2, с. 21].

Выводы. 1. Установлено, что в текстах мистов были широко представлены исторически сформировавшиеся смысловые слои идеи реинкарнации. Её эволюционные словоформы «воскресение», «возрождение», «воплощение» презентуются нами как единая цепь синонимов, звенья которой нанизывают и сохраняют смысловые уровни идеи воплощения, получившей позднее словоформу «реинкарнации». Иными словами, при «снятии» внешней оболочки с термина «реинкарнация» мы видим, что его значения лаконично вписываются и выступают основой, в том числе и догматического христианства, границы между понятиями

рушатся, а в качестве переправы и моста выступает тема «воплощения».

2. В сознании мистов намечается «развилка» на два пути понимания идеи «воскресения». С одной стороны, концепт «воскресение» в литературных источниках эксплицируется как процесс видоизменения облика, существа в значении «родиться заново, ожить» и т. п. В сознании Я. Бёме и Э. Сведенборга происходит скачок к векторно противоположному смыслу, а именно воскресение трактуется как воплощение души в духовное тело, которое происходит после смерти тела «здесь и сейчас». Такая экспликация идёт в разрез с традиционным пониманием терминов «воскресение» и «воскресение мёртвых». Кроме того, Э. Сведенборг отрицает возможность осуществления «глобального» воскресения, восстания умерших физических тел в конце времён. Соответственно, из сознания мистов «выбрасывается» на периферию существования смысловая сторона термина «воскресение» как процесса возвращения человека к жизни (оживления) после физической смерти. Единственное удвоение крайнего вектора содержится в понимании воскресения Христа, которое происходит по одной версии в духовном теле, по другой Он возносится в небеса вместе с земным телом. Так или иначе, слово «воскресение» получает дополнительную коннотацию в текстах мистов, расширяет свои смысловые горизонты. По мнению Ю. Степанова, истинный смысл слов запечатлён и раскрывается в авторских контекстах. На наш взгляд, причинами дуальности мнений выступали несоответствия, порождённые мистическим опытом и христианскими догматами, зафиксированными в сознании духовидцев.

Тема реинкарнации (воплощения) божественного пантеона представлена в расширенном виде (как процесс воплощения, вхождения в тело духов, святых, Бога). На мегауровне открывается как процесс вечного воплощения Святого Духа в мир, который пронизывает собой все закоулки мироздания. И, наконец, один из модусов существования идеи реинкарнации (воплощения как процесса возвращения «назад в тело») выступает трансперсональный уровень бытия посвящённых, заключённый в их духовных выходах «спусках и подъёмах», блужданиях по звёздным измерениям, неведомым мирам. Под таким углом зрения слово «воскресение» вновь обретает дополнительный смысловой оттенок, а именно воскресение как трансцендирование, прорыв в метаэмпирическую реальность, «выход», в результате которого достигается слияние с божественным (Я. Бёме).

Таким образом, в сознании мистов были инвертированы смыслы тем воплощения, воскресения, реинкарнации. С одной стороны, произошла актуализация смысловых пластов «потерянной» христианизированным сознанием идеи реинкарнации и «утрата» раннее обретенной «воскресения», точнее её растворение в первой. Мы пришли к мысли о том, что в теософских учениях нашла своё выражение идея реинкарнации, которую возможно описать посредством модели «выхода» и «возвращения» как вечных кругооборотов жизни человека, души, вселенского бытия.

Литература:

1. *Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Я. Бёме. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.
2. *Бёме Я.* Теософия / Я. Бёме. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 96 с.
3. *Компанієць Л. В.* Етимологічна реконструкція поняття «реінкарнація» / Л. В. Компанієць // Українське релігієзнавство. – 2013. – № 67. – С. 105–116.
4. *Сведенборг Э.* Земли во Вселенной / Эммануил Сведенборг ; [пер. с англ. Д. Ю. Васильев] – Д. : Полиграфист, 2001. – 98 с.
5. *Сведенборг Э.* Мудрость Ангельская о Божественной Любви и Божественной Мудрости / Эммануил Сведенборг ; [пер. с лат.] – К. : Ника-Центр, 1997. – 368 с.
6. *Сведенборг Э.* Основы учения / Эммануил Сведенборг ; [пер. А. Грибанова, И. Ефимова] – Swedenborg Foundation, Ink, and Necmitage Publishers, 1991. – 149 с.